

РЕПЕТИЦИЯ Кукобой, Пошехонье, Карабиха...

Ольга КАНИСКИНА. Фото предоставлены

ОБЫЧНО СПЕКТАКЛЬ ЗАРОЖДАЕТСЯ В РЕПЕТИЦИОННОМ ЗАЛЕ: ЗАСТОЛЬНЫЙ ПЕРИОД, РЕПЕТИЦИИ НА НОГАХ, В ВЫГОРОДКЕ, В ДЕКОРАЦИЯХ, В КОСТЮМАХ, В ГРИМЕ. НО БЫВАЕТ, АВТОРЫ СПЕКТАКЛЯ ИСПЫТЫВАЮТ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ГОЛОД, КОГДА НЕ СПАСАЮТ НИ ФАНТАЗИИ, НИ ЗАСТОЛЬНЫЕ РАЗГОВОРЫ, НИ ПРОЧИТАННЫЕ КНИГИ.

Вот тогда режиссёр и его команда едут в экспедицию: как додинские «Братья и сёстры» – в Архангельскую область, как команда Алвиса Херманиса – в Алтайский край к землякам Василия Шукшина. Оттуда везут окаящий говор или уникальные фотографии... Но главное, что привозят из таких экспедиций, – художественная правда. Впервые в истории театра работая над

поэмой Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», Кирилл Серебренников проделал почти тот же путь, что и ранние «художественники» в работе над «Царём Фёдором Иоанновичем» – часть из них во главе со Станиславским ездили в Ярославль и Ростов Великий. Покупали антикварные вещи и ткани, срисовывали музейные экспонаты и планы дворцовых комнат Ростовского кремля (даже заноче-

Xxxxxx xxxxxx

Хххххххх хххххххх

«Многие участники спектакля – москвичи, – говорит Кирилл Серебренников. – Выезжают в основном на дачи в Подмосковье или другие комфортные зоны. И мы, чтобы понять страну, в которой живём, поехали в Ярославскую область: по Некрасовским местам. Наш актёр Саша Горчилин снял в этой поездке фильм – его можно увидеть в фойе перед спектаклем. Мы не знаем, что влияет на наше ощущение. Мы привезли оттуда какую-то безязыкую историю про прекрасных людей, которые прошли войну, защищали родину, живут в чудовищных условиях, много не знают. Они повторяют какие-то простые и понятные фразы из телевизора, рассуждают, при ком было лучше – сейчас или при Сталине. Но ты понимаешь, что это наносное. Гораздо интереснее смотреть на их руки, лица, сгорбленные спины, их жилища, смотреть на то, как они поют за столом, работают, как смотрят на нас: безмолвно, но в этом безмолвии – слово Божье. Мы видели разруху, пустые поля. Где труба проходит – там жизнь как-то теплится. Обидно, горько, жалко людей. Но они живут! Рожают детей, создают в какой-нибудь деревне музей крестьянского быта, праздники устраивают. И это желание выжить, сохраниться оставляет огромное впечатление. Мы вернулись в мрачном настроении, но поняли, что не хотим целиком переносить его в спектакль. Ведь и Некрасов прекрасен тем, что всё время жонглирует жанрами, смыслами, фактурой – у него то русская протяжная песня, то лихая частушка».

Ярославские земли Некрасов исходил пешком, и «гоголевцы» в некотором роде прошли по его следам. Были в Карабихе, где поэт писал «Кому на Руси жить хорошо» фактически до самой смерти. На его рабочем столе – «Русские сказки» Афанасьева (так Некрасов невольно подсказал название следующей премьеры театра). Неподалёку – посёлок Семибратово, где, по легенде, жили семеро названных братьев, сыновей князя Василия Косого – прототипы героев «Сказки о семи Семёнах, родных братьях» и некрасовских искателей счастья. Были в Поречье, которое славилось самой высокой колокольной в России и овощными урожаями (местные крестьяне по указу Петра I ездили учиться огородничеству в Голландию): колокольная с уникальными фресками много лет на замке, а овощи уже давно не экспортируют за границу. Заехали в деревеньку Мартыново на пару сотен жителей, в которой проходят конференции по истории края и издаётся собственный краеведческий журнал «Кацкая летопись», есть две школы, театр и музей кацкарей. Не пропустили Мышкин – тютчевские места. И Углич, где убиенный царевич Димитрий стал персонажем для фотографирования с туристами. Посетили Кукобой – в нём напротив красивейшего столетнего храма Спаса Нерукотворного Образа расположен музей Бабы-яги. Своим появлением храм обязан местным жителям, которым предложили на выбор – храм или железную дорогу и они выбрали храм, потому что «по железной дороге бесы приедут». По маршруту, проложенному знатоком этих мест, профессором Ярославского университета Маргаритой Ваняшовой, актёры «Гоголь-центра» проехали больше тысячи километров.

В «Гоголь-центре» существует запрет на использование фонограммы – по Серебренникову, «музыка не должна быть мёртвой; да, это усложняет работу, делает её дороже, но и создаёт невероятную эмоциональность». Второй акт в спектакле – «Пьяная ночь» – особенный: слово Некрасова растворяется в музыке Ильи Демуцкого (с ним Серебренников работал над балетом «Кому на Руси жить хорошо») и пластических фантазиях Антона Адашинского, который убеждён: хореограф с композитором должны сотрудничать, вариться, сочинять вместе.

Рассказывает композитор Илья Демуцкий: «Природа произведения Некрасова абсолютно песенная. Мы выбрали несколько оригинальных фрагментов поэмы – из «Пьяной ночи» и «Тошен свет, смерти нет...» (из главы «Пир на весь мир») в качестве лейтмотива. Раскидали эти песни по жанрам. Например, нам сразу услышались слова Молодушки «Мой век – что день без солнышка, / Мой век – что ночь без месяца» в виде некоего причета, но воплощённого в блюзе. При этом мы с самого начала думали о конкретном исполнителе, в данном случае песня писалась для Риты Крон, обладательницы потрясающего голоса и замечательной саксофонистки. Тогда же мы обговорили возможности театра в плане инструментария – для какого состава мне писать музыку. Работа над партитурой к этому спектаклю стала для меня интересной экспериментальной задачей. Я привык сочинять для профессионалов, но тут должен был себя несколько ограничить, так как исполнителями были заявлены участники труппы театра, многие из которых не знали нотной грамоты. Однако это вовсе не означало, что музыка должна быть примитивной. Я осознанно расширил эти рамки, допустив некото-

Хххххххх хххххххх

рые чрезмерные сложности, с которыми мои актёры-музыканты блестяще справились. Поставленная исполнительская задача показалась им увлекательным приключением. Семь девушек неожиданно превратились в сильный хоровой коллектив (на репетициях мне пришлось вспомнить своё хормейстерское прошлое). Мужской состав обеспечил инструментальное звучание – фортепиано, бас-гитара, ударные и труба. Мы получили огромное удовольствие от работы друг с другом.

Когда к делу подключился Антон Адашинский, он использовал тот же «мозаичный» принцип – сначала создавались отдельные пластические этюды, которые позже склеивались в единое полотно. Эти номера до определённого момента сознательно готовились без музыки – под метроном или ритмические импровизации. Я специально написал музыку в виде номеров, удобных для всяческих изменений. Так что самый интересный процесс начался, когда мы стали накладывать музыку на хореографию (или наоборот?). Поиск каких-то деталей продолжался практически до премьеры. Так, незафиксированная длительность и импровизационность происходящего на сцене и то же самое в музыке вдруг придали действу уникальное свойство: «Пьяная ночь» каждый раз проживается совершенно неповторимым образом».

Хххххххх хххххххх

Хххххх хххххх

* * *

Про костюмы в спектакле можно писать отдельную статью – они точно ведут свою собственную партию.

Байковые халатики – их готовы призывно распахнуть юные жёны, но мужья больше не реагируют на них: идея во что бы то ни стало дознаться, кому на Руси жить хорошо, целиком захватила их, и женам в их сознании уже нет места. С гордостью переодеваются они в камуфляж, уразумев свою высокую миссию.

Пионерская форма для самого щуплого, шапки-пирожки, кургузые чиновничьи пальто и прочий советский «от-кутю» – так рядятся крестьяне, чтобы разыграть перед стареющим самодуром-баринном неотменённое крепостное право (за этот лживый балаган – реставрацию

недавнего прошлого – дети барина обещали отдать крестьянам луга).

Великолепные костюмы а-ля рюс в дефиле – посвящении «русским бабам» заставляют вспомнить «Русские сезоны». По словам Кирилла Серебренникова, уже как соавтора художника по костюмам, вся эта роскошь не из русских тканей: балийских, мексиканских, кенийских, эфиопских, «а в результате получается русский костюм». «Любое национальное сегодня не может быть абсолютно обособленным, – считает Серебренников. – Мы так переплелись друг с другом, что, будучи отдельными, не можем не быть частью общего».

В финале и вовсе за людей говорят костюмы – бесконечное напяливание футболок с разными символиками. Эти футболки, висевшие сплошной стеной, экспедиторы обнаружили на вещевом рынке в Ростове: Сталин, Винни-Пух, Путин, Микки-Маус, «Русский – значит трезвый», «Режь хачей», Ленин, «Я обид не помню – я их записываю», Че Гевара, «Дни этого общества сочтены»... Актёры надевают на себя футболки одну за другой – и это так же просто, как поменять идеологию.

Хххххх хххххх

REHEARSAL Kukoboy, Poshekhonye, Karabikha...

Olga KANISKINA. Photos courtesy of

A THEATRE PLAY IS USUALLY CONCEIVED IN A REHEARSALS HALL. BUT SOMETIMES A PLAY'S AUTHORS EXPERIENCE AN EMOTIONAL SHORTAGE, WHEN NOTHING – NEITHER THEIR IMAGINATION, NOR TABLE TALKS, NOR THE BOOKS THEY'VE READ – CAN HELP THEM OUT. THAT'S WHEN A DIRECTOR AND HIS TEAM GO ON AN EXPEDITION.

horrible conditions, are unaware of many things. They repeat simple and clear phrases from television, debate on whether or not the living is better now or when they were under Stalin. But you realize that all that stuff is superficial. It's much more interesting to look at their hands, their faces, their hunched backs, their homes, to look at the way they sing at the table, the way they work, the way they look at us: silently, but in that silence is the Word of God. We saw ruin, empty fields. Where a pipe runs through there is still some glimmer of life. It's a shame, it's distressing, and you feel bad for those people. But they keep on living! They bear children, create a museum of peasant household in some village, organize festivities. And this desire to survive, to endure makes a lasting impression. We returned in a dismal mood, but we realized that we don't want to transfer that mood into the production in its entirety. After all, the beautiful thing about Nekrasov himself is the fact that he constantly juggles genres, meanings, and textures – he alternates between a Russian long-drawn-out song and a spunky chastushka.”

* * *

Nekrasov traveled all over the Yaroslavl lands by foot, and the Gogol Center artists followed in his footsteps, in a manner of speaking. They were in Karabikha, where the poet wrote “Who Is Happy in Russia?” practically until his death. Afanasyev's “Russian Fairy Tales” book lies on his work table (thus, Nekrasov unwittingly suggested the name for the theatre's next premiere). Nearby is the Semibratovo settlement, which, according to the legend, was home to seven named brothers, the sons of Prince Vasily Kosoy – inspirations behind the characters from “The Tale of Seven Simeons, Full Brothers” and Nekrasov's

seekers of happiness. They were in Porechye, famous for the tallest bell tower in Russia and its vegetable harvests (by decree of Peter I, local peasants went to Holland to study gardening): the bell tower with its unique frescos has been under lock and key for many years, and the vegetables have long ceased being exported abroad. They stopped by a small village of Martynovo with its couple hundred residents, which hosts conferences on the history of the region and publishes its own magazine of regional natural history titled “The Katsky Chronicles”, and has two schools, a theatre and a Katskari museum. They didn't skip Myshkin either – Tyutchev's sites. Or Uglich, where the murdered Tsarevich Dimitri became a character for tourists to take photos with. They visited Kukoboy, where the museum of Baba Yaga settled across from the incredibly beautiful hundred-year-old Church of the Vernicle Image of the Savior. The church owes its life to local residents, who were offered a choice between a church and a railroad, and they chose a church, because “evil spirits will arrive by railroad.” The Gogol Center actors drove over a thousand kilometers along the route mapped out by Margarita Vanyashova, professor at the Yaroslavl University and an expert on these parts.

* * *

The Gogol Center has a ban on using prerecorded music – according to Serebrennikov, “music should never be dead; yes, it makes the job harder, makes it more expensive, but it also creates incredible emotionalism.” The second act in the production of “The Drunken Night” is unique: Nekrasov's words become dissolved in the music of Ilya Demutsky (Serebrennikov collaborated with him on the ballet version of “Who Is Happy in Russia?”) and choreographic fantasies of Anton Adasinsky, who is convinced that a choreographer and a composer must collaborate, stew and create together.

Says composer Ilya Demutsky: “The nature of Nekrasov's oeuvre is absolutely songlike. We selected several original excerpts from the poem – from ‘The Drunken Night’ and ‘The world is nauseating, there's no death...’ (from the chapter ‘The Feast for All the World’) as our leitmotif. We sorted those songs out by genres. For example, we instantly heard the words of Molodushka (the young girl) ‘My life is like the day without the sun,/My life is like the

night without the moon’ as a lament of sorts but translated into blues. And we also had a specific performer in mind right away; in this case the song was written for Rita Kron, owner of an amazing voice and a wonderful saxophone player. At that point we also discussed the theatre's capabilities in terms of instruments – what kind of an orchestra makeup should I be writing music for. I am used to writing music for professionals, but here I was forced to restrict myself, because my performers were members of the theatre company, many of whom didn't know how to read musical notes. That didn't mean, however, that music had to be primitive. And the actors thought the performing task I gave them was an exciting adventure. Seven young women suddenly became a strong choral group (I was forced to remember my choirmaster past at the rehearsals). The male team provided instrumental sound – piano, bass guitar, percussion, and trumpet.

When Anton Adasinsky joined in on this task, it marked the beginning of the most interesting process, when we began laying music over choreography (or the other way around?). We continued to look for certain details virtually until the very premiere of the production. Thus, having a flexible duration and improvisational quality of what was taking place on stage and having the same be happening in music gave the action a unique character: ‘The Drunken Night’ is a completely one-of-a-kind experience every time.”

* * *

The costumes in the production seem to be carrying on their very own part.

Flannelette robes – the young wives are ready to fling them open suggestively, but the husbands no longer pay them any attention: the idea is to find out who is happy in Russia by any means possible.

Proudly they put on camouflage, having understood their high mission.

A pioneer uniform for the most frail, ambassador hats, short-tailed functionary coats and other Soviet “haute couture” – this is what the peasants put on to perform the unabolished serfdom in front of an ageing despotic landowner (the landowner’s children promised to give meadows to the peasants for this deceitful show – the restoration of the recent past).

The magnificent fashion parade of costumes à la Russe dedicated to “Russian peasant women” are reminiscent of “The Russian Seasons.” According to Kirill Serebrennikov, as the costume designer’s co-author, all this magnificence is not made with Russian fabrics: the fabrics are Balinese, Mexican, Kenyan, Ethiopian, “and you end up with a Russian costume.”

In the finale costumes do the talking instead of people – the endless pulling on of t-shirts with different symbols. Expeditors found a solid wall of these t-shirts hanging at a flea market in Rostov: Stalin, Winnie the Pooh, Putin, Mickey Mouse, “Russian Means Sober”, Lenin, “I Don’t Remember My Grievances, I Write Them Down”, Che Guevara, “This Society’s Days Are Numbered.”.. The actors put on these t-shirts one after another – and it is as easy as changing one’s ideology.